

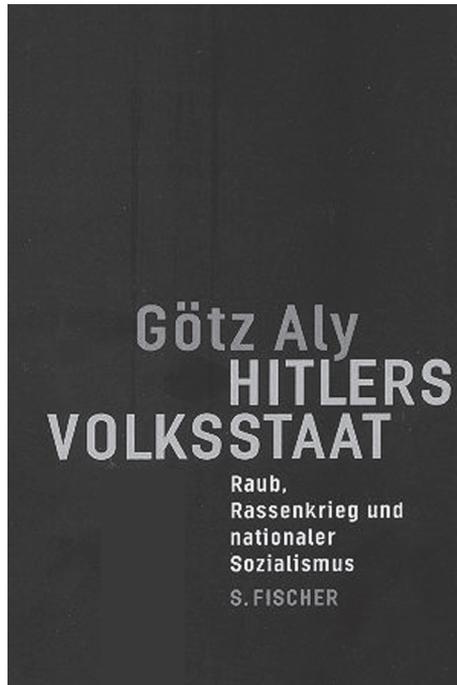
САМСОН МАДИЕВСКИЙ

«Народное государство» Гитлера

Среди немецких историков, изучающих самый мрачный и позорный период истории своей страны — двенадцать лет нацистской диктатуры, Гетц Али занимает особое место. Его работы привлекают внимание не только специалистов, но и широкой публики, и рецензируемая книга не стала исключением из этого правила. По общему мнению, книга Г. Али «Народное государство Гитлера. Грабеж, расовая война и национальный социализм» — это бесспорно новая попытка истолкования исторического феномена Третьего рейха.

Г. Али задался простым и вполне естественным вопросом: в чем причина многолетних успехов Гитлера, поддержки его огромным числом немцев? Как могло столь очевидно мошенническое и преступное предприятие, как национал-социализм, добиться столь высокой, сегодня едва ли объяснимой степени интеграции общества? Конечно, насаждаемая и разжигаемая «сверху» ненависть к «неполноценным»,

G. Aly. Hitlers Volkstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. Frankfurt am Main, Fischer S. Verlag GmbH, 2005. 444 S.

гауляйтеры, значительная часть министров, статс-секретарей и пр. действовали, как классические политики-популисты, постоянно озабоченные настроением управляемых. Они ежедневно задавались вопросом, как добиться их удовлетворенности, улучшить их самочувствие. Каждый день они заново «покупали» их одобрение или, по меньшей мере, нейтралитет.

«инородцам», «евреям», «большевикам» и пр. была существенной предпосылкой. Однако в предшествующие десятилетия немцы были отягощены ею не более, чем другие европейцы, их национализм был не более расистским. Утверждение же о раннем развитии в Германии особого, специфичного для нее «истребительного антисемитизма» и ненависти к «чужакам», по мнению Г. Али, лишено оснований.

Ответ автора состоит в понимании нацистского режима как «услужливой (по отношению к подавляющему большинству немцев. — С. М.) диктатуры».

МАДИЕВСКИЙ Самсон Абрамович — доктор исторических наук.

Выражаем благодарность научно-просветительскому журналу «Скепсис» (www.scepsis.ru), с любезного разрешения которого мы печатаем данный материал.

Программа «национального социализма» была не только пропагандистским лозунгом: во многом ее реализовывали на практике. Вот говорящий сам за себя перечень мер социальной политики, осуществленных до войны: введение оплаченных отпусков для рабочих и служащих; удвоение числа нерабочих дней; развитие массового туризма, в том числе для рабочих; создание первой модели дешевого «народного» авто; поощрение семей с детьми (выплата пособий) за счет холостяков и бездетных пар; зачатки развитой затем в ФРГ системы пенсионного обеспечения; введение прогрессивного налогообложения. К ним следует добавить защиту крестьян от неблагоприятных последствий капризов погоды и колебаний цен на мировом рынке; защиту должников от принудительного взыскания долга путем описи и продажи имущества (должников по квартплате — от выселения). Понятно, что все это способствовало популярности режима.

Во время войны нацистское руководство, учитывая уроки войны 1914—1918 годов, прежде всего озаботилось продовольственным снабжением населения, организовав его так, чтобы простыми людьми оно ощущалось как справедливое. Повышенные нормы выдачи были связаны с более тяжелой работой или особыми, вызванными состоянием здоровья, потребностями. Это имело следствием рост симпатий к режиму, что отмечалось даже его противниками. Во-вторых (также учитывая уроки прошлого), власть постаралась не допустить безудержной инфляции и краха немецкой валюты. В-третьих, обеспечила семьи солдат деньгами (они получали 85 процентов чистого заработка кормильца до призыва, в то время как семьи английских и американских солдат — менее половины). Военнослужащие слали родным посылки из оккупированных стран, отпускники тащили домой мешки, чемоданы, сумки весом в десятки килограммов. С учетом жалованья и довольствия военнослужащих подавляющее большинство немцев жило во время войны лучше, чем до нее. Это «военно-социалистически подслащенное благосостояние» позволяло подерживать дух масс, побуждая их вытес-

нять из сознания преступную подоплеку такой политики.

Средства осуществления ее вскрывают ключевые цифры, резюмирующие сложные и трудоемкие подсчеты, произведенные автором: по меньшей мере две трети реальных немецких доходов во время войны проистекали из иностранных (оккупированные и вассальные страны) и «расово-чуждых» (евреи, иностранные принудрабочие) источников; оставшаяся треть делилась между социальными слоями немецкого общества крайне неравномерно: наиболее зажиточные (треть его) вносили две трети налогового бремени, в то время как широкие массы (две трети общества) — лишь треть.

В годы войны большинство немцев (на 1943 год — 70 процентов) — рабочие, мелкие служащие, мелкие чиновники — не платили прямых военных налогов; крестьяне имели существенные налоговые льготы; пенсии в 1941 году были повышены (что особенно ощутили небогатые пенсионеры). Все предложения финансовых специалистов об усилении налогообложения отвергались руководством рейха «по политическим соображениям». Обратной стороной этой политики было повышенное налогообложение буржуазии: 75 процентов внутринемецких военных налогов вносили предприятия и получатели высоких доходов. По оценкам, исходящим из деловых кругов, в 1943 году от 80 до 90 процентов предпринимательских доходов изымались государством. Даже будучи преувеличенной, цифра отражает налогово-политическую тенденцию нацистского государства.

Та же забота о «благе народа» характеризовала и «генеральный поселенческий план “Ост”», выработанный с 1939-го по 1942 год. В своей окончательной форме он предусматривал вытеснение из европейской части СССР «в сторону Сибири» до 50 миллионов славян, место которых должны были занять немецкие колонисты. Гитлер мечтал переселить из Тюрингии и Рудных гор «наши бедные рабочие семьи, чтобы дать им большее пространство». «Немецкий рабочий фронт» предусматривал устранить таким путем «по меньшей мере 700 тысяч мел-

ких, убогих сельских хозяйств». В 1942 году немецкие дети играли «в вооруженных крестьян на черноземных пространствах», невесты солдат мечтали о сотнях тысяч «рыцарских имений» на Украине. И даже Генрих Белль писал родителям в конце 1943 года: «... я часто думаю о возможности колониального существования здесь на Востоке после выигранной войны». Все это, подчеркивает Г. Али, планировалось не ради прибылей юнкеров и монополистов, а как «конкретная утопия для каждого» немца.

Расовая теория нацистов справедливо расценивается как идейная подготовка и обоснование ненависти и массовых убийств. Но для миллионов немцев она была привлекательна другой своей стороной — обещанием равенства внутри нации. Нацизм, показывает Г. Али, действительно обеспечил немцам большее социальное равенство и большие возможности социальной мобильности, нежели имевшиеся в кайзеровском рейхе и Веймарской республике. Нацистская идеология, подчеркивая различия вне нации, смягчала классовые различия внутри. Это ощущалось в организациях «гитлерюгенда», Союза немецких девушек, при прохождении имперской трудовой службы, в организациях партии, а также (хотя и более медленно) даже в вермахте. Война ускорила демонтаж социальных перегородок. Большие потери командного состава заставили с октября 1942 года открыть путь к офицерским должностям людям без законченного школьного образования. И это было встречено в широких слоях населения «восторженно». Согласно нюрнбергским законам 1935 года, новые браки между «арийцами» и евреями были запрещены, зато впервые в истории Германии офицер мог жениться на дочери рабочего, если не существовало, конечно, биологических противопоказаний.

Итак, резюмирует Г. Али, посредством грабительской расовой войны неслыханных масштабов нацизм обеспечил немцам невиданную ранее степень благосостояния, социального равенства и вертикальной социальной мобильности. Вот почему режим чудовищных массовых преступлений был в то же время режи-

мом огромной популярности. Отсутствие сколько-нибудь эффективного внутреннего сопротивления, равно как и последующего чувства вины Г. Али объясняет этой взаимозависимостью. Новизна такой трактовки состоит именно в раскрытии органической связи «народного» («социального») государства с преступлениями — в противоположность господствующему подходу, отрывающему чудовищные жестокости нацизма от тех акций режима, которые сделали его столь привлекательным для огромного большинства (до 95 процентов) немцев.

Центральной темой книги, как уже говорилось, является нацистская политика финансирования войны. С нескрываемым сарказмом Г. Али отмечает, что в многотомном, стоившем миллионы евро и «становившемся все более бесплодным» труде «Немецкий рейх и Вторая мировая война», подготовленном Военно-историческим институтом бундесвера, этой проблеме уделено минимальное внимание (как, впрочем, и в относящемся к последним годам существования ГДР исследовательском проекте «Европа под знаком свастики»). Представитель первого из этих коллективов заявил Г. Али (2002 год): «Для нас, обычных историков, эти финансовые дела слишком сложны, ...мы не можем это исследовать».

В унисон к этому разговору приводит другая, имевший место в федеральном военном архиве во Фрайбурге. Когда Г. Али заказал там поисковую картотеку (крайне несовершенную) к фонду «Интендантское управление Главнокомандования вермахта», сотрудник архива сказал ему: «Господин Али, Вы, конечно, хорошо разбираетесь в этих делах, но здесь, мне кажется, Вы ошиблись, эти документы обычно никто не заказывает». То немногое, что сохранилось из архива управления, было описано в обзоре фонда неправильно и не подготовлено для использования.

Не устранившись этих трудностей, Г. Али столкнулся и с другими. Выяснилось, что множество документов о чрезвычайном военном бюджете Третьего рейха, где подробно фиксировались до-

ходы, полученные из оккупированных стран, были впоследствии (уже после войны) сознательно уничтожены. Это относится прежде всего к актам, касающимся использования еврейского и вражеского имущества, с помощью которых могла быть детально расшифрована невероятно выросшая за годы войны статья бюджета «Общие административные доходы». Уничтожение их происходило как в ФРГ, так и в ГДР. Общим мотивом была заинтересованность в исчезновении документов, из которых без труда могли быть выведены реституционные требования. «И тут, и там это делалось в интересах всех немцев».

Сохранившиеся документы из архивов Германии и других стран (тех, что пустили автора туда, — ибо некоторые отказали или просто не ответили на запросы) легли в основу его исследования. Они показывают, что бюджетная политика Гитлера с самого начала была авантюрной, ориентированной на ожидаемые будущие доходы (поэтому с 1935 года он запретил обнародование госбюджета). Перевооружение Германии, позволившее ликвидировать безработицу и повысить покупательную способность масс, осуществлялось за счет гигантских кредитов, приведших к быстрому росту внутреннего государственного долга. Бюджеты сводились с огромным дефицитом, и к концу 1937 года Германия стояла на пороге банкротства. Выход был найден во внешней экспансии (аншлюс Австрии, захват Судетской области, а затем и остальной Чехословакии) и экспроприации евреев (путем наложенного на них после «Хрустальной ночи» «штрафа» в размере 1 миллиард рейхсмарок, а затем «аризации» еврейской собственности).

Финансирование начатой войны было организовано нацистским руководством при деятельной помощи менеджеров государственных и частных финансов как огромное мошенничество. Чтобы не лопнуть, оно должно было каждый раз покрываться выгодным победоносным миром. Этот мир должен был обеспечить удовлетворение «подвешенного» потребительского спроса внутри страны и погашение военных долгов. Чем

дольше шла война и чем больше средств она «сжирала», тем больше должна была быть добыча и следовательно — тем бесчеловечнее обращение с покоренными. Непрерывающаяся болтовня о народе без пространства, о колониях, экспансии на Восток, «аризации» и пр. в конечном счете преследовала одну цель — достижение незаработанного собственным трудом общего для немцев благосостояния и притом в кратчайшие сроки. Ибо, как показывает Г. Али, разглагольствуя о том, что они закладывают фундамент «тысячелетнего рейха», нацистские главари на самом деле сплошь и рядом не знали, чем на следующий день покроют свои счета.

После быстро и легко одержанных побед, финансовые и продовольственные проблемы вставали заново. Как бы велики ни были добыча и завоеванные территории, результат всегда оказывался ниже ожиданий. Поэтому Гитлер не мог остановиться, удовлетвориться эксплуатацией уже завоеванного. Политика «непокрытого чека», подлежащих оплате в короткий срок государственных казначейских обязательств, нависающего внутреннего долга — иначе говоря, финансовое хозяйство, функционирующее по принципу мошеннического «снежного кома», — все это делало нацистскую верхушку объективно неспособной к миру. Экспансия должна была продолжаться, прекращение ее привело бы к банкротству и концу режима.

Нацисты выжимали из оккупированных стран колоссальные контрибуции, разрушая этим их национальные валюты, «высасывали» миллионами тонн продовольствие для прокорма оккупационных войск и отправки в Германию. Их лозунгом было: если во время войны кто-то должен голодать, пусть голодают другие; если военная инфляция неизбежна, пусть от нее страдает в первую очередь население покоренных стран. Как уже отмечалось, от немецких военнослужащих шли в рейх миллионы вещевых и продуктовых посылок. Чтобы масштабы этого грабежа остались тайной, статистика отправок, которая велась почтовым управлением вермахта, в конце войны была уничтожена. Г. Али обратился поэтому через газету

«Ди цайт» к пожилым читателям и читательницам с просьбой описать содержимое этих посылок. Результат: женщины ностальгически вспоминали об отличных продуктах и промтоварах, которые получали от находившихся в армии отцов, мужей, братьев; мужчины же, все без исключений, утверждали, что никогда не отправляли посылки.

Помимо индивидуального грабежа процветал коллективный. Родственники, друзья, знакомые, коллеги объединялись для сбора так называемых билетов имперской кредитной кассы и марок, а также всякого барахла — старья, брака, дешевки. Украина в особенности превратилась в «блошинный рынок рейха», где весь этот хлам сбывался в обмен на качественное продовольствие и другие продукты сельского хозяйства. По словам немецкого наблюдателя, все это напоминало «торговлю» с негритянскими племенами и «обмен» стеклянных бус на слоновую кость. На Украине, писали домой немцы, деньги валяются на улице, в одну ночь можно стать богачом. Чиновников оккупационной администрации прозвали в рейхе «восточными гиенами».

Тотальное разграбление оккупированных стран имело для их населения тяжелейшие последствия. По подсчетам Г. Али, изъятие продовольствия с оккупированных советских территорий означало «голодную катастрофу для десятков миллионов людей» («полное лишение питательной базы для 21,2 миллиона человек»). Как заявил Геринг 16 сентября 1941 года, «в принципе на оккупированных территориях соответствующим питанием должны быть обеспечены лишь те, кто работает на нас». Как уже ранее показал другой немецкий историк — Кристиан Герлах, трудности, возникшие с обеспечением немцам привычно высокого уровня питания, были одной из причин, ускоривших уничтожение европейских евреев. Этим же объясняется во многом умерщвление голодом и холодом миллионов советских военнопленных.

Материальное стимулирование повышенного потребления немцев за счет других народов составляло существенную цель правления на каждом этапе. Го-

сударство превратилось в колоссальную машину для грабежа, а отдельные граждане — в извлекателей выгод и пассивно подкупленных. В распоряжении простых людей оказались вещи, о самом существовании которых они за пару лет до того не подозревали. И это было лишь предвкусением того, какой станет жизнь после войны, какие блага она сулит. Обратной стороной была нечистая совесть и ощущение, что после всего происшедшего есть лишь одна альтернатива — победить или погибнуть.

С редкой для обычных историков компетентностью Г. Али проследивает финансово-экономический механизм нацистского грабежа. Прежде всего он вскрывает механику валютных манипуляций финансистов рейха, в частности роль пресловутых «билетов имперской кредитной кассы», которыми оккупационные власти расплачивались с местным населением (в основном в Западной Европе) за реквизируемые товары. Вливаясь в денежное обращение этих стран, немецкие бумажки ослабляли их валюты — естественно, к выгоде Германии. Жалованье немецких военнослужащих и гражданских лиц в оккупированных странах выплачивалось поначалу именно в таких «билетах», а затем в местных дензнаках, курс которых по отношению к марке был произвольно занижен (в Западной Европе — на четверть или треть реальной стоимости, а по отношению к рублю — в четыре раза). Это также резко увеличивало покупательную способность оккупантов.

Г. Али отмечает: если в оккупированных странах Западной, Северной и Южной Европы вермахт (за исключением хаотических недель отступления в самой последней фазе войны) расплачивался за реквизиции и закупки «билетами имперской кредитной кассы» или местной валютой, вследствие чего масштабы их ограбления можно хотя бы приблизительно вычислить по величине израсходованных денежных сумм, то на оккупированных территориях Советского Союза порядок был иным. Дензнаки задействовались здесь лишь частично, а значительная часть присвоенного оформлялась так называемыми квитанциями или не оформлялась вообще.

Большое место в книге занимает анализ финансово-экономических последствий ограбления евреев в оккупированных и зависимых от немцев странах. Продажа отнятой у них собственности позволяла выбрасывать на рынки капитала, недвижимости, вещевые рынки и в розничную торговлю дополнительное количество благ и таким путем частично удовлетворять повсеместно резко увеличившийся спрос на товары повседневного обихода и ценные вещи. Конечно, причиненные войной и немецким ограблением Европы дыры в снабжении населения не могли быть закрыты полностью, но на какое-то время, в каких-то местах — существенно уменьшены.

На первый взгляд финансовые средства, влившиеся в военную кассу рейха в результате экспроприации европейских евреев (15—20 миллиардов рейхсмарок, или 5 процентов военных расходов Германии), были не столь велики. Однако, поскольку указанные расходы на 50 процентов финансировались за счет кредитов, добавочный доход расширял рамки кредитования на равную сумму, и эффект, таким образом, удваивался. А самое главное — эти вливания позволяли справляться с пиковыми нагрузками военного бюджета в кризисные моменты, когда требовалась мобилизация всех сил и ресурсов. Они позволяли руководству шадить подавляющее большинство немецких налогоплательщиков, замедлять разграбление оккупированных стран и при этом хорошо оплачивать военным служащим, финансировать закупки оружия и военное строительство. Все это способствовало поддержанию внутренней стабильности в Германии, а также готовности к коллаборации в оккупированных странах.

На последнее обстоятельство Г. Али обратил внимание едва ли не первым. Да, доходы от продажи экспроприированного еврейского имущества несколько стабилизировали финансовое состояние оккупированных и зависимых стран, позволяли поддерживать их национальные валюты, резко ослабленные немецким грабежом, сокращая потребность в эмиссии денег. А сама продажа позволяла сократить возникший вследствие товар-

ного дефицита резкий перевес покупательной способности, связать какую-то часть ее. Инфляция, конечно, имела место, но не переходила в галопирующую; национальные дензнаки сохраняли функцию платежного средства. Иной вариант, подчеркивает Г. Али, сразу затруднил бы или сделал невозможной плановую эксплуатацию оккупированных стран, равно как и сотрудничество их населения с немцами.

На вопрос: «куда девалось имущество ограбленных, депортированных и умерщвленных?» Г. Али дает четкий ответ: их золото, драгоценности, часы, украшения, их одежда, предметы обихода, оборудование их мастерских и лавок, валюта и ценные бумаги, дома и хозяйственные постройки — все это было продано местному населению (основные ценности оказались в руках биржевиков и коммерсантов). Ну, аденежный эквивалент различными, большей частью обходными путями поступил в немецкие военные кассы. Полученными таким путем национальными дензнаками других стран оккупанты оплачивали местные товары и услуги, приобретаемые для нужд их войск и гражданского населения рейха, выплачивали жалованье своим солдатам.

Понятно, что экспроприация граждан других государств в пользу Германии не должна была документироваться: все относящиеся к ней вопросы обсуждались, как правило, устно, в узком кругу. Германская сторона уделяла особое внимание тому, чтобы представить соответствующие мероприятия как внутреннее дело оккупированных (тем более — формально независимых) стран. Чиновники оккупационных администраций тщательно замечали следы, ведущие к источнику средств, переводя их с одного счета на другой, и вовлекали в эту практику финансовые ведомства и национальные банки зависимых и покоренных стран, превратив их, по выражению Г. Али, в «укрывателей краденого».

Выручка от продажи еврейской собственности втекала в сборный резервуар госбюджетов этих стран, а затем, в очищенной от следов ее происхождения форме, присваивалась немцами. В оккупированных странах это присвоение

было стопроцентным, в странах союзных и вассальных, где оно оформлялось как вклад последних в «совместные военные усилия», достигало 40 и более процентов. Тем не менее власти покоренных стран не оставались внакладе. Да, немцы требовали в оплату оккупационных расходов огромные, в конечном счете разорительные суммы. Но при этом предлагали совместно ограбить третьего и сделать так, чтобы он затем исчез. В какой-то мере это уменьшало возлагаемое на них бремя. «Такая увязка, — подчеркивает Г. Али, — как правило, опускается даже в новейшей литературе по “аризации”, равно как и в очень подробных подчас отчетах национальных комиссий историков относительно экспроприации евреев».

Еще одним способом эксплуатации и ограбления других народов в пользу немцев был рабский труд миллионов иностранных рабочих в Германии. Часть их вербовалась добровольно, однако большинство составляли пригнанные насильно. Не говоря уже о том, что труд этих людей оплачивался хуже равноценного труда немцев (рабочим из Польши и Советского Союза, самым дискриминируемым, за равный труд предприятия платили на 15—40 процентов меньше), их облагали более высоким подоходным налогом плюс особым налогом в размере 15 процентов заработка. Евреи, цыгане и «остарбайтеры» платили в итоге в три раза больше, нежели работающие рядом немцы. Именно поэтому, а также за счет вольнонаемных польских рабочих поступления от подоходного налога в казну рейха во второй половине военного времени увеличились вдвое.

То, что оставалось иностранным рабочим после вычета налогов, социальных взносов и стоимости содержания в «трудовом лагере», принудительно отправлялось на их «сберегательные счета». Деньги оттуда можно было снять лишь по возвращении на родину, то есть после окончания войны, победоносной для Германии. «Берлинское бюро Центрального хозяйственного банка Украины», куда предприятия переводили эти «сбережения», было, как отмечает Г. Али, одним из псевдонимов кассы германского рейха. Таким образом, использо-

вание иностранной рабочей силы позволяло почти полностью изымать ее заработки в пользу рейха. Это стабилизировало его финансы, щадило немецкого налогоплательщика и избавляло дефицитный потребительский рынок от давления покупательной способности. Если бы вместо этих людей задействовали, скажем, немки или увеличили продолжительность работы тыловиков-мужчин, в денежный оборот влились бы многие миллиарды марок, лишенных товарного покрытия, что дестабилизировало бы марку и породило недовольство населения.

В связи с использованием иностранной рабочей силы Г. Али отмечает еще два обстоятельства. Во-первых, реально она оплачивалась странами происхождения: из тарифной ставки, уплачиваемой немецкой фирмой, имперская касса — помимо всех налогов, сборов, социальных отчислений, помимо пресловутых «сбережений» — получала и ту часть, которая перечислялась в валюте страны происхождения на содержание семьи работника. Деньги эти брались из бюджета соответствующей страны, и в случае союзных стран, а также Бельгии заносятся на клиринговые счета. Однако возможность погашения задолженности, как показывает Г. Али, никогда не воспринималась всерьез, а по отношению к оккупированным странам не рассматривалась даже формально. Во-вторых, в отношении угоняемых на принудительные работы советских граждан применялась следующая практика: все их движимое имущество реализовывалось местными хозяйственными подразделениями вермахта, а выручка от продажи, вместе со всей имевшейся у них наличностью, заносилась на так называемые сберегательные счета в имперской кредитной кассе. Деньги оттуда могли быть получены вкладчиком только по возвращении на родину (то есть опять-таки по окончании победоносной для Германии войны).

Таково вкратце основное содержание книги Г. Али. В тесной связи с ним находится сюжет, также трактуемый по-новому, — об отношениях нацистского руководства и традиционных элит (юристов, дипломатов, генштабистов, особенно

экономистов и финансистов) при проведении в жизнь описанной политики. Исследователь детально прослеживает роль, которую руководство и ведущие специалисты финансово-хозяйственных ведомств — минфина, рейхсбанка, имперской кредитной кассы, интендантского управления вермахта — сыграли в добывании денег для ведения войны и подкармливания немцев.

Известно, что в 1942 году президент рейхсбанка Функ и рейхсфюрер СС Гиммлер договорились о том, что золото (включая выломанные из челюстей золотые зубы), драгоценности и наличность убитых в лагерях смерти поступают на хранение в рейхсбанк, который начисляет их денежный эквивалент на особый счет, зашифрованный кодовым именем «Макс Хайлигер». Менее ценные мелкие предметы (часы, перочинные ножи, авторучки, портмоне и пр.) продавались через маркитантские лавки фронтовикам, хорошую одежду и обувь могли приобрести переселенцы из числа «фольксдойче». Но выручка от продаж во всех случаях шла государству — со счета «Макс Хайлигер» она переводилась затем на соответствующую позицию («Отдельный план XVII») военного бюджета. Как подчеркивает Г. Али, министр финансов Шверин фон Крозиг лично следил за ходом этих процессов.

В некоторых случаях инициатива однозначно принадлежала специалистам. Именно чиновники минфина и рейхсбанка изобрели практику множества счетов, позволявшую, переводя награбленные деньги с одного на другой и смешивая их с деньгами иного происхождения, запутать и скрыть их источник. Система «имперских кредитных билетов» тоже стала их ноу-хау. Никаких указаний «сверху» не потребовалось, чтобы ввести в действие порядок, в соответствии с которым переводы иностранных рабочих их семьям за границей выплачивались не в рейхсмарках, а в валютах соответствующих стран. Это же относится к экспертам минпроуда, устанавливавшим, какие группы населения должны снабжаться по резко пониженным нормам (прежде всего евреи, затем советские военнопленные и далее душевнобольные и т. д.). Достаточно было

принципа, провозглашенного Гитлером: хорошо то, что полезно для немцев; о методах же достижения отчета не требовалось.

Финансисты и снабженцы вермахта играли активнейшую роль в осуществлении геноцида. Как профессионалы они были заинтересованы в максимально высоких контрибуциях — чтобы финансовые дефициты по возможности реже и меньше отражались на стратегических планах и моральном состоянии войск. Поэтому во многих местах они сами организовывали грабеж еврейского имущества (в Бельгии, Салониках, на Родосе, в Тунисе и пр.), в других — вынуждали местные власти делать это (в Сербии, Франции, Италии). Для последующей депортации ограбленных в лагеря уничтожения вермахт, как правило, предоставлял транспорт. Делалось это, как подчеркивает Г. Али, не просто потому, что военные ненавидели евреев, или в силу специфически немецкого рабского повиновения, вытеснившего остатки совести, а из-за реального материального интереса.

Между политическим руководством и чиновниками-специалистами возникали иногда различия взглядов по вопросу о темпах и методах ограбления Европы. Первое, как правило, ориентировалось на краткосрочный, вторые — на среднесрочный эффект: они хотели еще какое-то время подоить корову и дать ей принести теленка, прежде чем отправить на бойню. Нацистские же главари мыслили в категориях политического выживания. Их лейтмотивом было любой ценой добиться в кратчайший срок (пара недель или пара месяцев) соответствующей цели, чтобы удержаться на плаву.

Эти противоречия, порожденные имитацией и стычки (картина насквозь авторитарного вождистского государства, по мнению Г. Али, неверна), в конечном счете шли на пользу системе. Сохраняющаяся возможность выявлять различия, ставить вопрос об оптимальном пути — все это помогало добиваться высокой эффективности. Без тонкой корректирующей доводки, компетентной выверки подчас безрассудно рискованных импровизированных акций нацистского руководства, без этого «убийственного сплава политического

волюнтаризма и функциональной рациональности» чудовищные преступления не могли бы осуществиться. Взаимодействие политиков, экспертов и большинства населения — вот что лежало, по мнению автора, в основе свершившегося.

И здесь мы возвращаемся к основному, наиболее болезненному выводу исследователя: «Система была создана для общей выгоды немцев. Каждый принадлежавший к “расе господ” — а это были не только какие-то нацистские функционеры, но 95% немцев — в конечном счете имел какую-то долю в награбленном — в виде денег в кошельке или импортированных, закупленных в оккупированных, союзных или нейтральных странах и оплаченных награбленными деньгами продуктов на тарелке. Жертвы бомбежек носили одежду убитых евреев и приходили в себя в их кроватях, благодаря Богу за то, что выжили, а партию и государство — за оперативную помощь... Холокост, — заключает Г. Али, — остается непонятым, если не анализируется как самое последовательное массовое убийство с целью грабежа в современной истории».

Такой ответ на вопрос о причинах происшедшего решительно расходится с принятыми из «национально-педагогических» соображений объяснениями, возлагающими ответственность на отдельные лица или группы — безумного, якобы харизматичного диктатора и его окружение или на банкиров, руководителей концернов, генералов и т. д. В ГДР, ФРГ, Австрии, констатирует Г. Али, применялись различные стратегии психологической самозащиты, но с одной и той же целью — обеспечить большинству населения спокойную жизнь и чистую совесть.

Разумеется, историк понимает, сколь ответственен сделанный им вывод: «Когда я говорю о “немцах”, это понятие тоже относится к числу коллективистских обобщений... И все же, при всем его несовершенстве, оно кажется мне несравненно более точным, чем сильно суженное “нацисты”. Ибо Гитлеру снова и снова удавалось расширить базу общественного согласия с его режимом далеко за пределы круга членов и избирателей его партии. Конечно, были немцы и немки, которые

оказывали сопротивление, страдали и гибли в борьбе; немецкие евреи тоже были немцами, понимали себя как таковых, зачастую не без гордости. И все же выгоды из аризации извлекали именно немцы (включая австрийцев), понимая под этим словом 95 процентов населения. Тот, кто заявляет, что это были лишь отъявленные наци, уходит от реальной исторической проблемы».

Перефразируя слова известного философа Макса Хоркхаймера «молчащий о капитализме не должен рассуждать о фашизме», Г. Али завершает книгу собственной максимой: «Тот, кто не желает говорить о выгодах миллионов простых немцев, пусть молчит о национал-социализме и Холокосте».

Несколько слов о реакции на книгу научного сообщества. Патриарх немецкой историографии Ганс Моммзен вместе с большинством других рецензентов оценили ее положительно. Из видных историков лишь Ганс-Ульрих Велер занял иную позицию: по его мнению, Г. Али впал в «узколобий, анахроничный материализм». Оксфордский историк-экономист Адам Туз заявил, что автор ошибся в расчетах, вследствие чего вклад немцев в оплату военных расходов оказался заниженным. В пересчете на душу населения они платили в 1944 году больше налогов, чем, например, англичане, а если учесть рост государственного долга, то их финансовое бремя было еще тяжелее. Г. Али, однако, возразил, что подушный расчет не учитывает главного — того, что большая часть немцев практически не платила прямых налогов. Путем налогообложения богатых и перечисленных форм грабежа «чужаков» в действительности военные расходы покрывались лишь наполовину, вторую же составляли кредиты, и в конечном счете немцы расплатились по ним девальвацией марки, обесценением банковских вкладов, страховых сбережений и пр. Но, во-первых, такой исход не входил в планы нацистского руководства, а во-вторых, людей тогда, как и сегодня, интересовало, что напрямую изымают из их карманов, а не рост государственного долга.

Некоторые рецензенты упрекали Г. Али в том, что он «смакует» картины вывоза немецкими солдатами-отпускниками всего, что плохо лежало в оккупированных странах; это мешочничество, утверждали они, не имело для Германии важного финансово-экономического значения. В ответ Г. Али привел цифры: применительно к Франции, например, стоимость таких закупок составляла три четверти возложенных на нее оккупационных расходов. Суть, однако, состоит не только и не столько в экономической стороне вопроса: поощряя грабеж, нацистское руководство создавало впечатление «отеческой заботы о людях», давало им ощущение «маленького счастья» посреди большой войны.

Коррумпирующий эффект посылочно-мешочной эпидемии историк демонстрирует письмами домой... солдата Генриха Белля. Поначалу в них звучат критические нотки по отношению к поведению товарищей, но постепенно эпидемия захватывает и его («дьявол, — вздыхает он в письме, — это действительно дьявол, и он сидит во всех»). «Под благосклонным покровительством “крестных отцов” Геринга и Гитлера, — констатирует Г. Али, — солдат Белль целеустремленно и вдохновенно покупает и переправляет в Кельн» родителям и жене масло, яйца, шоколад, кофе, лук, полпоросенка, мыло, косметику, дамские чулки, туфли, безрукавку и т. д., просит прислать ему для закупок все имеющиеся дома свободные деньги. «Католическая, чуждая нацизму политически семья Беллей была довольна... Так возникала лояльность миллионов людей, в случае Беллей — безусловно пассивная. Но для способности к политическому функционированию режиму больше и не требовалось».

Значит ли сказанное, что мы согласны с Г. Али буквально во всем? Нет. Нам представляется, что он все же недооценил роль пропаганды и террора в поддержании нацистского режима. О первой он упоминает однажды и мимоходом как об известном, само собой разумеющемся и отнюдь не решающем факторе; второй же квалифицирует как проводимый «пунктиром на периферии (немецкого) общества». Этот последний тезис иллю-

стрирует цифра: на конец 1936 года, когда начальная волна политических репрессий схлынула, многие противники режима эмигрировали, и он очевидным образом консолидировался, численность узников концлагерей составляла 4761 человек (включая алкоголиков, наркоманов и профессиональных преступников) на 60 с лишним миллионов человек населения.

Да, масштабы террора против собственного народа были, конечно, несравнимы со сталинскими. Однако из 300 тысяч членов КПП, которых та имела на 1932 год, половина провела то или иное время в заключении, а 20 тысяч заплатили за свою деятельность жизнями (коммунисты принесли в годы нацистской диктатуры наибольшее число жертв).

И совсем неправ Г. Али, когда для доказательства другого тезиса: «подавляющее большинство [немцев] не нуждалось ни в каком надзоре», — приводит сопоставление: в ГДР для контроля над 17 миллионами граждан было задействовано 190 тысяч штатных и столько же нештатных агентов «Штази», а гестапо в 1937 году насчитывало лишь 7 тысяч сотрудников, включая секретарш и хозяйственников, СД — и того меньше. Здесь не учтен главный факт: в Третьем рейхе действовала всепроникающая система официальной слежки за населением. Домовые и квартальные надзиратели докладывали о поведении жильцов, их высказываниях, посетителях и пр. местному партийному руководству, низовыми функционерами которого являлись. Те же функции на рабочем месте выполняли служащие «Немецкого трудового фронта» (нацистский эрзац распущенных профсоюзов). Общее число надзиравших по должности составляло не менее 2 миллионов человек, что многократно превышает число восточногерманских «штази» как в общих цифрах, так и пропорционально количеству населения.

Тем не менее следует подчеркнуть, что главный тезис историка — «об удовлетворенном режимом среднем арийце.., который позволял совершаться всем преступлениям и пользовался их плодами» — обоснован в книге достаточно солидно. Пожалуй, лишь применительно к

завершающему периоду войны следовало бы обратить большее внимание на ту причудливую смесь предчувствия катастрофы, надежды на чудо, страха перед возмездием победителей и перед террором властей, глухого недовольства, чувства бессилия и упрямого желания продержаться, которая характеризовала настроения пресловутого «среднего немца». Впрочем упреки такого рода Г. Али отводит, заявляя, что его книга «...не претендует быть всеобъемлющим объяснением национал-социалистического периода истории».

В заключение — о реакции на книгу рядового читателя. Германия переживает сейчас нелегкие времена. Затянувшийся экономический застой и астрономические расходы на интеграцию бывшей ГДР повлекли за собой истощение ре-

сурсов, накопленных за годы экономического процветания. Беспрецедентная для послевоенной Германии массовая безработица, страх работающих перед завтрашним днем, эрозия и демонтаж системы социальных гарантий — все это ведет к снижению уровня и качества жизни и, конечно, воспринимается болезненно. И в это самое время Г. Али напоминает соотечественникам, что 95 процентов немцев извлекли некогда личную выгоду из гитлеровского режима. И в телевизионном интервью бросает: «Если бы все это (награбленное у иностранцев и инородцев. — *С. М.*) нужно было возместить — с положенными за истекшее время (с 1944—1945 годов) процентами — наши зарплаты и пенсии пришлось бы сократить вдвое».

Может ли это понравиться? ◆